

Пустота - это радость, или Буддийская философия с прищуром третьего глаза

Автор:

Артур Пшибыславски

Пустота - это радость, или Буддийская философия с прищуром третьего глаза

Артур Пшибыславски

Колесо времени (Ориенталия)

В этой книге польский профессор, доктор философии Артур Пшибыславски излагает важнейшие концепции буддийской философии, делая это доступно и легко, часто в шуточной форме, пользуясь образами и примерами из современной жизни. Для широкого круга читателей.

Артур Пшибыславски

Пустота - это радость, или Буддийская философия с прищуром третьего глаза

Artur Przybyslawski

Pustka jest radoscia, czyli filozofia buddyjska z przymruzeniem (trzeciego) oka

© Артур Пшибыславски, 2010

© Мартынов С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Ориенталия», 2015

* * *

Предисловие

Однажды два величайших мастера тибетского буддизма XX века – Шестнадцатый Кармапа Рангджунг Ригпе Дордже и Дилго Кхьенце Ринпоче – пили чай в саду и, беседуя, рассмеялись до слез. На вопрос, что их так рассмешило, один из них показал на растущее неподалеку дерево и ответил: «Понимаешь, они все думают, что это дерево!» И они снова разразились хохотом.

Хохот просветленных заразителен и, конечно, не рассмеяться вслед за ними просто невозможно, но совсем не обязательно наш смех будет означать понимание. Пусть эта книга станет попыткой объяснить шутку, за которой стоит опыт буддийской философии. Объяснение, скорее всего, покажется несколько затянутым, с многочисленными отступлениями, но в оправдание скажу – они должны получиться шутливыми. Также объяснение будет содержать большую часть буддийской философии, потому что именно она с помощью медитации превращается в живой опыт и становится лучшим поводом для радости, о чем знают далеко не все. Обычно философия защищала себя от счастья и смеха, подменяя их важностью. Первый принцип философии – дело огромной важности, как патетически утверждал молодой Шеллинг. То есть в философии всегда оставалось место для ужаса, страха и тревоги, порождающих спекуляции состояний ума. И только одного европейского философа прозвали «смеющимся». Это Демокрит, который из далеких путешествий в Индию, вероятно, и привез порадовавшую его теорию атомизма, уже известную в ту пору в ведической и буддийской традициях. Еще две попытки привнести смех в философию (ясное дело, обе серьезные) случились в XX веке. Первую из них осуществил Анри Бергсон, написавший книгу под названием «Смех». Кто-то отметил, что в ней нет ни одной шутки! Вторую попытку предпринял Хельмут Плеснер, который в свою очередь написал книгу «Смех и плач». Как видно по названию, он все испортил уже в самом начале.

Когда к слову «философия» добавляют определение «буддийская», в глазах большинства все выглядит еще хуже. К сожалению, у многих людей буддизм ассоциируется с мрачной аскезой, лишенным страстей уходом от жизни,

рассматриваемой исключительно как страдание. Однако стоит помнить, что истина о страдании, а ею часто ограничиваются поверхностные читатели буддийских текстов, – лишь первая из так называемых Четырех благородных истин, на которых основываются наиболее общие учения Будды. Три следующие говорят о причине страдания (лишь познав ее, можно понять ситуацию, в которой мы очутились), о состоянии вне страдания (здесь я внесу также рискованное предположение, что речь может идти о счастье и радости) и, наконец, о пути, ведущем к состоянию вне страдания (а можно ли его достичь?!). Этот путь и состоит из разнообразнейших буддийских методов со специализацией на свободе и радости, и именно этим методам (в количестве, равном 84 000) Будда учил в течение 45 лет после достижения Просветления вплоть до самой смерти. Тот, кто утверждает, что, как каждая капля воды в океане имеет вкус соли, так и каждое его поучение имеет вкус освобождения, вряд ли представляет собой измученного жизнью нигилиста, проповедующего умерщвление в печали экзистенции. Одно из имен Будды звучит как сугата. Су, согласно тибетскому источнику, происходит от санскритского слова сукха, означающего радость, а гата относится к тому, кто достиг цели. Таким образом, сугата, или по-тибетски дэвар-шегпа, – дословно «тот, кто достиг радости», необусловленной, окончательной, великой радости, как принято ее определять в традиционных буддийских учениях. В свою очередь, названием сугата гарбха на санскрите и дэшег ньингпо по-тибетски, что буквально означает «сердце достигшего радости», определяется природа Будды, согласно буддийским учениям присутствующая в каждом более-менее осознающем существе. Узнавание этой природы есть Просветление, и оно невозможно без некоторой, пусть небольшой, порции буддийской философии, объясняющей природу явлений и природу переживающего их ума.

Чтобы попытаться понять сформированную буддийской философией и медитацией радость упомянутых ранее мастеров, нужно посмотреть на окружающий мир глазом буддийской мудрости; это так называемый третий глаз, нарисованный вертикально на лбу у просветленных форм с буддийских картин. И глаз этот – смею утверждать – определенно прищурен. Он видит пустоту вещей, а она, в свою очередь, является ничем иным, как радостью. Для ее определения тибетцы используют термин дэтонг, в котором дэ происходит от слова дэва, означающего радость, а тонг – от тонгпани, означающего пустоту[1 - В транскрипции Уайли этим терминам, которые для удобства читателя я записал фонетически, соответствует: bde bar gshegs pa, bde gshegs snying po, bde stong, bde ba, stong pa nyid.].

Конечно, на первый взгляд двух оставшихся глаз, подобное определение пустоты выглядит странным, но, надеюсь, следующие главы книги сделают его более интуитивным. Именно благодаря интуитивности я отказался от всяческих герметичных и чересчур сухих умозрительных построений, которыми оброс этот ключевой термин буддийской мысли, а взамен решил приблизиться даже не к словарю, но скорее к духу или атмосфере философии, имеющей тенденцию исчезать под влиянием специфического словаря. Оставаясь верным духу, а не букве, я поместил это скромное приближение к буддийской мысли в контекст повседневной жизни. А как же быть с философией, не имеющей ничего общего с жизнью? Конечно, кое-кто приписывал философии добродетель как раз из-за ее оторванности от жизни, однако Будда утверждал, что единственная причина, по которой он учит, – в том, что все существа хотят быть счастливыми. А счастье – чрезвычайно практичный вопрос нашего существования, ведь, в конце концов, все в этой жизни вращается вокруг счастья. Впрочем, даже самая абстрактная философия может быть культивируема, поскольку доставляет удовольствие (иногда замаскированное возвышенными декларациями) тому, кто ею занимается (если не сказать возделывает). Тогда философия становится для кого-то патентом на счастье, пусть немного извращенное, но все же счастье. Таким образом, философия имеет дело – не будем больше этого скрывать – со счастьем (ведь как иначе объяснить, например, ее сотериологические или эсхатологические увлечения?). Буддийская же философия ставит этот вопрос совершенно открыто, и оказывается методом, специализирующимся на радости, переживаемой уже не только при чтении философского текста или во время медитации, но и в повседневной жизни, например в саду за чашкой чая. Чтобы подобное стало возможным, буддийское мировоззрение посредством медитации сплавляется с обычной жизнью, и их единство становится настоящим поводом для радости.

Это наиболее очевидно в традиции индийских махасиддхов, которая проникла в Тибет и породила множество высокорезализованных буддийских мастеров. Вопреки внешнему виду одухотворенных аскетов, эти легендарные мастера буддийской тантры не только проводили многие годы в медитации, но и занимались работой, и зачастую среди повседневных, казалось бы, скучных дел их ум приобретал все более глубокое понимание природы явлений. В случае Тилопы это произошло, когда он выжимал масло сезама; Сараха обрел осознание в момент, когда женщина показала ему собственноручно изготовленную стрелу, что в памяти тибетцев сохранилось в таком виде.

Рахула направился на базарную площадь. Там он увидел женщину, вырезающую древко стрелы. Она не оглядывалась по сторонам и была полностью сосредоточена на своей работе. Подойдя ближе, он увидел, как старательно женщина выпрямляет тростинку с тремя утолщениями, подравнивает оба конца, а потом насаживает наконечник на нижний конец, разрезанный на четыре части, и обвязывает сухожилием, прикрепляя четыре пера на верхний конец, разрезанный надвое; потом она зажмурила один глаз, как будто прицеливаясь. Когда он спросил, не является ли для нее изготовление стрел ремеслом, она ответила: «Благородный сын, смысл учения Будды можно познать по символам и по поступкам, но не через слова и книги». Тогда в его уме возникло понимание, почему именно так сказала эта Дакиня.

Тростинка символизировала то, что не было создано, три утолщения – необходимость достижения трех совершенных состояний Будды; выпрямление древка – исправление пути духовного развития. Подравнивание внизу – необходимость искоренения сансары, а вверху – необходимость искоренения представлений о существовании «я» или сущности вещей; разрез на четыре части внизу – четыре уровня проверки; насаживание острия – необходимость использования своей способности к пониманию; обвязывание сухожилием – достижение печати единства; расщепление верхнего конца на две части – методы и мудрость; закрепление четырех перьев означало воззрение, размышление над ним, практику и достижение результата; один открытый глаз, а другой зажмуренный означали закрытие глаза дискурсивного познания и открытие глаза вневременного сознания; стойка, из которой метят в цель, – необходимость выстрела стрелой недвойственности в самое сердце двойственного цепляния (к объекту и субъекту).

По причине этого понимания брамин Рахула получил имя Сараха; в Индии сара означает стрелу, а ха – выстрел. Он стал известен как выпустивший стрелу, потому что сумел отправить стрелу недвойственности в самое сердце дуализма[2 - Карма Тринлепа, *do ha skor gsum gyi ti ka sems kyi rnam thar ston pa'i me long*, 4.4-6; цитата по: Kurtis R. Schaeffer, *Dreaming the Great Brahmin. Tibetan Traditions of the Buddhist Poet-Saint Saraha*, Oxford – New York, Oxford University Press 2005, стр. 21.].

Очевидно, люди вокруг видели лишь женщину, занимающуюся своим ремеслом и демонстрирующую товар, но Сараха смог увидеть в такой, казалось бы, банальной ситуации нечто совершенно иное, потому что его ум был уже

достаточно открыт благодаря медитации и подготовлен благодаря буддийской философии к возможности намного интереснее проживать обычную жизнь. В самом обыденном событии таится огромный потенциал, способный высвободить глубокое переживание. Осознание этого зависит лишь от уровня открытости и подготовленности воспринимающего ума, который в конечном итоге может распознать свою глубочайшую природу. Так было в случае Манибхадры: ее ум стал всем в ту минуту, когда она смотрела на дорогу, по которой разливалась вода из кувшина, случайно выпавшего из ее рук. Подобные моменты венчают буддийское развитие, но даже в начале пути невозможно скучать – самая серая реальность, рассматриваемая буддийским взором, оказывается пустой, что означает реальность более интересную, легкую и забавную, чем мы привыкли считать.

Буддийская философия стремится оценить нормальную, обычную жизнь и придать ей такую легкость, что ум переживающего способен испытывать все больше свободы и радости. Это самый быстрый путь к познанию природы ума. Именно повседневная жизнь становится лучшей проверкой и подтверждением буддийской философии. Поэтому махасиддхи не только медитировали, но и трудились в самых разных областях. Они занимались не только благородными профессиями, как Сараха, Нагарджуна, Наропа или Майтрипа, многие годы преподававший в Университете Наланда (впрочем, чтобы потом уйти из него), но также аккуратно исполняли, к примеру, обязанности секретаря и уборщика у куртизанки, как упоминавшийся уже Тилопа; возделывали земли, как Марпа, полностью просветленный мастер, полиглот и переводчик множества санскритских текстов на тибетский язык (их появление привело к ренессансу тантрического буддизма в Стране снегов); Гампопа был несравненным врачом из Дагпо, как именуют его до сих пор. Получается, важно не то, что человек делает, а как он это делает, с каким настроем приступает к действию. Если уж буддийская философия, то в практике и действии.

В главах этой книги будут представлены не теоретические объяснения, а лишь иллюстрации определенного ключевого тезиса буддийской философии [3 - Используя в книге формулировку «буддийская философия», я понимаю под ней главным образом тибетскую традицию Карма Кагью, а также элементы философии индийской Махаяны.], находящегося в соответствующем эпиграфе. Философия будет показана в контексте повседневности, а не в теоретическом измерении, рассмотренном мной в других источниках. Теперь я могу почувствовать себя свободным от требований серьезной академической лекции.

Поэтому предлагаю развлечение, основанное на другом взгляде на мир. Чем глубже мы усваиваем буддийское воззрение, тем интереснее становится реальность, и наоборот. Чем больше нас веселит реальность, тем более очевидной становится буддийская философия. Даже если она покажется вам не согласующейся с прежним отношением к жизни, прошу помнить – развлечение заключается именно в том, чтобы без предубеждений посмотреть на мир с другой точки зрения и позволить себе удивиться. Например, узлы на шнурках можно принимать как раздражающую проблему, а для индейца они будут замечательным образцом поэзии, записанным узелковым письмом. Или вернемся к нашему дереву! Можете ли вы, положа руку на сердце, с полной ответственностью признать, что это на самом деле дерево? «Я сижу в саду с философом; указывая на дерево рядом с нами, он вновь и вновь повторяет: „Я знаю, что это – дерево“. Приходит кто-то третий и слышит его, а я ему говорю: „Этот человек не сумасшедший: просто мы философствуем“»[4 - Цитата на русском: Витгенштейн Л. О достоверности / перевод Ю. А. Асеева, М. С. Козловой // Вопр. философии. – 1991. – № 2. – С. 100. – Прим. переводчика.].

* * *

Я благодарю всех друзей (их слишком много, чтобы перечислять всех без риска забыть кого-нибудь), которые прочитали фрагменты книги или ее целиком и поделились со мной своими замечаниями. Ламу Оле Нидала, как всегда, благодарю за все.

Ретритный буддийский центр в Кухарах, май 2010 г.

1. Как управиться с чулками и подвязками, или О методе буддийской философии

Когда преграды тела и ума растворяются сами по себе...

XIII Кармапа Дюдюл Дордже

Философские проблемы – как и любые другие – вопреки утверждению Витгенштейна, появляются не тогда, когда отдыхает язык, а когда не хочет

отдыхать ум. Ум работает неустанно, и, даже утомившись от собственного непрерывного мыслетока[5 - Такое определение соответствует буддийским учениям и прекрасно передает тибетский термин *gnam rtog*, означающий непросветленное мышление.], он продолжает вести себя как типичный трудоголик, для которого наилучшим, а точнее неизбежным отдыхом является работа. Ментальная работа, проведенная для постановки проблемы, тут же оборачивается очередной, еще большей работой, вкладываемой в решение той же проблемы. Непросветленный ум не умеет отдыхать, не говоря о праздновании. Он делает простое сложным, хотя нет ничего более освобождающего, чем простота. Решение проблемы узнается по ее исчезновению, говорит Витгенштейн. Невозможно отказать ему в правоте. Самым простым, а значит, лучшим способом избавления от проблемы было бы выбросить ее в мусорное ведро. Впрочем, проблема уже в названии подразумевает то, что выкидывается: *pro* - означает перед, а *ballein* по-гречески - бросать. Главное, не себе под ноги. Лучше всего швырнуть за спину, тогда не нужно заботиться ни о проблеме, ни о ее решении - простая экономия времени и энергии.

Одно то, что проблема представляет собой проблему, с ее стороны является наглостью, с которой вообще не стоит мириться. Хуже того (а вообще-то лучше), проблема и не может представлять собой проблему, потому что сама проблематична. Ее нет там, где мы ее ищем. Обратимся к какому-нибудь примеру, лучше всего из жизни, ведь любая жизнь - это свидетельство определенной философии. Начнем, пожалуй, с верхней полки - с Канта, создателя замечательной философии (поскольку она трансцендентальная), который

...из-за страха нарушить циркуляцию крови никогда не носил подвязок. В скором времени оказалось, что чулки без них не держатся, и он изобрел для себя изошренные заменители. Я опишу их: в кармашке на каждом бедре, меньшем, чем часовой карман, но выполнявшем почти ту же функцию, помещалась малюсенькая коробочка, чем-то напоминавшая корпус от часов; в эту коробку вкладывалась закрученная колесом часовая пружина, а на колесо наматывался эластичный шнурок, натяжением которого регулировалось дополнительное приспособление: к обоим концам шнура прикреплялись крючки, через маленькие отверстия в кармашке они выводились наружу и, спускаясь по внешней и внутренней сторонам бедра, закреплялись на петлях, пришитых по обе стороны чулка. Как нетрудно предположить, это сложное устройство, подобное

птолемеевской небесной системе, часто приходило в неисправность. Тем не менее, по счастью, мне запросто удавалось починить все эти поломки, порою угрожавшие нарушить комфорт, а то и покой великого человека[6 - Т. Де Квинси. Последние дни Иммануила Канта.].

Покой – существует ли что-нибудь более желанное для философа и для обычного человека? Есть ли что-нибудь более желанное для буддиста, для которого нирвана – согласно одному из ее определений – это покой, или для поляка-католика, устремление которого еще больше – его покой обязательно должен быть святым? Но как же легко покой потерять! Взять хотя бы те же чулки. Сколько нужно намучиться, чтобы они не доставляли хлопот? Читая этот фрагмент воспоминаний о Канте, я почувствовал духовное родство с философом, мне самому еще в детском саду приходилось бороться с труднейшей проблемой – ею были колготки. Что может сильнее унижить молодого мужчину в возрасте четырех лет, как не отнимающие всякое мужское достоинство колготки? Да-да, наши родители и воспитательницы детского сада, не осознавая этого, упорно ломали личности молодых мужчин[7 - В соответствии с буддийскими учениями, я понимаю, что все поступки людей, ведущие к страданию, а к ним с уверенностью можно отнести принуждение носить колготки, происходят из-за неведения, а не потому, что человеческая природа в каком-либо смысле плоха.], в душе чувствующих себя Янеком Косом или Густликом из «Четырех танкистов» – эти геройские души в маленьких телах, втиснутых в колготки! Наверняка любой мужчина моего поколения помнит борьбу за собственное достоинство с оскорбительной женской одеждой. На фотографиях детсадовских времен можно увидеть гордые лица из-под ковбойских шляп, дикие взгляды апачей, бросаемые из-под индейских головных уборов с перьями, а от пояса вниз, увы, колготки...

Что ж, с великими философами нас объединяют общие, пусть и банальные проблемы, и так же неуклюже, как философы, мы пытаемся их решить. Но почему мы вынуждены бороться с проблемами и как возникает ситуация столкновения с ними? Прежде чем ответить на эти вопросы, задумаемся, чем является проблема сама по себе. Несмотря на то, что слово «проблема» – существительное в единственном числе, очень трудно найти то единственное, что ее порождает. Ведь проблема Канта крылась не в подвязке или чулке,

скорее она сложилась из множества условий. Во-первых, извращенная мода того времени, вынуждавшая мужчин носить чулки (как только выдерживала их психика?!), во-вторых, сами чулки в количестве двух штук, в-третьих, подвязки в таком же количестве, в-четвертых, ноги Канта – удивления не вызывает? – тоже в количестве двух, и наконец, в-пятых, ипохондрия великого человека. Если бы любой из этих факторов отсутствовал, говорить о проблеме было бы трудно. Проблема проявляется во взаимозависимости, как сказал бы буддийский философ, когда вместе сходится много условий, ошибочно принимаемых за единство. Таким образом, во-первых, проблемы как реальной единицы нет, во-вторых, достаточно убрать одно лишь условие, и с проблемой (не самой в себе) покончено. А какое из условий убрать лучше всего? Вмешательство в моду рекламы брюк – одежды настоящего мужчины – не гарантирует успеха, наверняка в те времена именно чулки рекламировались как символ мужественности; впрочем, кто захотел бы позволить втянуть себя в рекламную кампанию такой ерунды, как мода? Ампутация ноги, в свою очередь, кажется развязкой с чрезмерным вмешательством, и Канта можно было бы тогда выплеснуть из ванны вместе с водой. Конфискация одежды в виде подвязок и чулок также не принимается в расчет, особенно в случае ипохондрика, который, не говоря о моральных издержках от принудительного обнажения, сразу бы замерз без них, схлопотал высокую температуру, воспаление легких, потом в результате контакта с пиявками, поставленными для кровопускания, получил бы вирусное воспаление печени по типу В, ведущее в итоге к циррозу печени, а то и к раку печеночных клеток, что не сулит ничего вселяющего надежду, и наконец умер бы от истощения в страшных муках после долгой агонии. Поэтому остается только один выход: избавиться от ипохондрии, и проблема с плеч. Как голова с плеч. Где же еще проблеме находиться, если не в голове?!

Ведь проблема не существовала где-то между чулком, подвязкой и ногой Канта, несмотря на то, что создатель трансцендентальной философии расположил ее именно там. Проблема была абсолютно воображаемой, являлась умственным приложением к реальности, не имеющим с ней ничего общего, поскольку возникла только из-за болезненной впечатлительности по поводу здоровья. Это была исключительно оценка ситуации, а она всегда происходит в голове того, кто оценивает. Потом мы принимаем оценку за реальность, ведь кто-кто, а уж мы-то трезво смотрим на ситуацию. Таким образом, оценка превращается в проекцию, замещающую реальный мир. Начинается борьба с миром, по сути являющаяся борьбой с собственными оценками и концепциями по поводу мира. Неудивительно, что последствия оказываются либо комичными, либо плачевными – зависнув в собственной голове и рассматривая одни лишь собственные концепции, оценки и проекции, мы невидимыми руками мастерим

околореальность, в результате получая странные эффекты, способные вызвать удивление даже у нас самих, ведь мы глядим внутрь своей головы, а не на натруженные руки и целый мир. Это непременно приводит к созданию какого-нибудь часоподобного подхвата для чулок или к другому якобы трезвому жизненному выбору, который становится обременительным на долгий срок и к тому же вовсе не решает проблем.

Механизм, изобретенный Кантом, работал в двух направлениях. Во-первых, этот чрезвычайно изощренный «девайс», как говорят англичане, используемый ежедневно, утверждал Канта в верности собственного решения и поддерживал ипохондрическое решение ипохондрической проблемы, которая могла быть делом исключительно ипохондрика, уверенного, что может жить со своими недомоганиями. Мало того, совершенство и изобретательность решения проблемы подтверждают ее весомость, которая не была недооценена. Во-вторых, само решение проблемы превратилось в очередную проблему, ведь механизм выходил из строя. Теперь нужно было решать решение. Вместо того, чтобы заботиться о чулках и подвязках, приходилось беспокоиться о похожем на часы «девайсе», и если бы не добрый друг Канта, которому нравилось чинить это мудреное изобретение, ситуация наверняка закончилась бы созданием приспособления для ремонта приспособления для поддержки чулок. Одну проблему заменили бы на другую и назвали решением. Собственно говоря, это была бы все та же проблема, только несколько отстраненная: из-за «девайса» по-прежнему выглядывали бы угрожающие ногам подвязки. Оценка ситуации оставалась бы ипохондрической, и изменилось бы немного, ведь даже спрятанные в шкаф подвязки готовились к прыжку подобно запертой в клетке змее-душителю, которая если бы только смогла, мгновенно обвилась бы вокруг своей невинной ипохондрической жертвы, слишком поздно понявшей, что доверять рептилии было нельзя. Таким образом, проблемы вообще не стоит решать, потому что это приводит лишь к дальнейшим осложнениям, которые потом еще более усложняются. Подобный механизм работает не только в философии, но и в жизни. Нет большой разницы между повседневной проблемой и проблемой философской, хотя, конечно, абсурдность слишком сложных решений лучше видна в жизни, чем в философии, прячущейся от комизма за абстрактными барьерами. Просто-напросто жизнь более очевидна, чем философия, и ее легче проверить.

Решать проблемы, похоже, нужно так, чтобы их не решать! А как это сделать? Достаточно заметить, что никакой проблемы нет. Если бы Кант мог посмотреть канал моды по телевидению, то убедился бы воочию, что дела у ног в чулках идут прекрасно (раньше я сказал, что мода – это глупость, и от слов своих не

отказываюсь, исключение – показы мод женского белья). В принципе, он смог бы также увидеть значительно более простое и гениальное изобретение, каким являются колготки, хотя мне кажется, что мужская мода его времени не отважилась бы зайти так далеко. А потому достаточно лишь заметить, что там, где кому-то хотелось увидеть проблему, то есть на стыке ног, подвязок и чулок, проблемы-то и нет, она – лишь ничего не стоящая добавочная стоимость, при начислении которой, естественно, придется уплатить повышенный налог. Между подвязкой и лодыжкой Кант засунул собственную оценку ситуации, добавил излишний элемент, и оценка немедленно стала важнее ситуации, открыто превратившись для него собственно в ситуацию. У Канта не было проблемы, Кант лишь думал, что проблема есть, именно в этом и крылась проблема, если таким словом мы еще можем пользоваться. Если мы считаем, что у нас есть проблема, то она есть. Сначала мышление, потом проблема (обязательно надуманная), и никак не наоборот. Мы лишь думаем, что сначала проблема нам что-то навязывает, а потом мы начинаем размышлять над ее решением. Проблема – это неправильная оценка ситуации, спроецированная и принятая за саму ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В транскрипции Уайли этим терминам, которые для удобства читателя я записал фонетически, соответствует: bde bar gshegs pa, bde gshegs snying po, bde stong, bde ba, stong pa nyid.

2

Карма Тринлепа, do ha skor gsum gyi ti ka sems kyi rnam thar ston pa'i me long, 4.4-6; цитата по: Kurtis R. Schaeffer, *Dreaming the Great Brahmin. Tibetan Traditions of the Buddhist Poet-Saint Saraha*, Oxford – New York, Oxford University Press 2005, стр. 21.

3

Используя в книге формулировку «буддийская философия», я понимаю под ней главным образом тибетскую традицию Карма Кагью, а также элементы философии индийской Махаяны.

4

Цитата на русском: Витгенштейн Л. О достоверности / перевод Ю. А. Асеева, М. С. Козловой // *Вопр. философии.* – 1991. – № 2. – С. 100. – Прим. переводчика.

5

Такое определение соответствует буддийским учениям и прекрасно передает тибетский термин rnam rtog, означающий непросветленное мышление.

6

Т. Де Квинси. Последние дни Иммануила Канта.

В соответствии с буддийскими учениями, я понимаю, что все поступки людей, ведущие к страданию, а к ним с уверенностью можно отнести принуждение носить колготки, происходят из-за неведения, а не потому, что человеческая природа в каком-либо смысле плоха.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pshibyslavski_artur/pustota-eto-radost-ili-buddiyskaya-filosofiya-s-prischurom-tret-ego-glaza

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)